

Денис
Лукьянов

ЧЕЛОВЕК
ЧЕЛОВЕКУ

INSPIRIA

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л84

Лукьянов, Денис Викторович.

Л84 Человек человеку / Денис Лукьянов. — Москва : Эксмо, 2026. — 288 с.

ISBN 978-5-04-234719-1

Ваня — молодой амбициозный театральный режиссер. К мечте — поставить концептуальную и громкую версию «Пера Гюнта» — он идет по головам: встречается с богатыми женщинами, предает друзей, манипулирует близкими. Но однажды сюжет любимой пьесы приходит в его собственную жизнь. В канализации он встречает троллей, городской сумасшедший грозит переплавить его на запонки, а призраки прошлого возвращаются. Договорится ли он с совестью? Пойдет ли на сделку с троллями? И сможет ли стать собой доволен?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-234719-1

© Лукьянов Д., текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

В душе будь троллем, с виду же —
чем хочешь!

*Генрик Ибсен*¹

Поскольку одним из главных заклинаний эмигрантской волшебной книги является «Мне хочется не быть собой», важно придумать половчее — кем же тебе хочется быть.

*Полина Барскова*²

Такова жизнь, Прозерпина: способны выжить только те существа, которые могут преобразиться...

*Альберт Санчес Пиньоль*³

---

¹ *Ибсен Генрик*. Пер Гюнт. Перевод А. и П. Ганзен.

² *Барскова Полина*. Сибиллы, или Книга о чудесных превращениях. Издательство Ивана Лимбаха.

³ *Пиньоль Альберт Санчес*. Молитва к Прозерпине. Издательство «Азбука».

**ОТ АВТОРА:
ЗНАКОМЬТЕСЬ, ПЕР ГЮНТ!**

Начало неожиданное! Согласитесь? Но подумалось мне, что в тексте, как вы поняли из аннотации, о театральном режиссере, который решил поставить «Пер Гюнта», не лишним будет кратко освежить сюжет оригинала. На всякий случай. Много времени не отниму! Итак, представьте, что перед началом спектакля к вам выходит актер в гриме (положим, с внешностью автора) и начинает с хитрой улыбкой на лице...

«Пер Гюнт — фантазер и врунишка, который забавы ради врет даже своей матери; над ним издеваются другие парни в деревне, куда более, скажем так, практико-ориентированные. Однажды Пер отправляется на деревенскую свадьбу, встречается там красивую незнакомку Сольвейг — искра, буря, безумие, он зовет ее на танец, но получает от ворот поворот, а затем похищает другую девушку, Ингрид, чужую невесту. Конечно же, деревня возмущена, и Пера объявляют вне закона.

Недолго думая, он сбегает в лес, в горы и там встречается женщину в зеленом — дочь Доврского леда, короля троллей, и другую нечисть. Побывать

принцем?! Почему бы и да! На аудиенции с Дедом Пер всячески паясничает, Дед предлагает ему стать троллем — тут-то Пер и соскакивает! Позже в лесу его находят Сольвейг и мать, говорят, что в деревню ему по-прежнему нельзя. Ну а затем Пера находит та самая женщина в зеленом, показывает уродца-младенца — заявляет, что это ребенок Пера. Что остается? Правильно! Только сбежать. А дальше...»

Оформите подписку и узнаете! Seriously, такого краткого пересказа хватит. Надо только добавить, что вскоре Пер отправляется в разного рода путешествия, а в конце жизни встречается с Худощавым (дьяволом) и Пуговичником, фольклорным персонажем, который переправляет души всех, кто и не грешил, и благих дел не совершал. Короче, ни рыба ни мясо.

Вот, пожалуй, и хватит! Читайте Ибсена, смотрите Ибсена, а теперь...

Добро пожаловать в совсем другую историю.

ЧТО БЫЛО ДО

Вход в его мир уже много лет освещает картонное солнце.

Он собрал его по кусочкам: аккуратно вырезал лучи из желтых листов, найденных в пачке детского картона («Сыну?» — спросила продавщица-улыбаха), склеил дешевым ПВА и, заметив, что светит оно недостаточно, пропитал двумя слоями желтой краски; толстые мазки высохли, как на полотнах нищих авангардистов.

Его историю — пока назовем его просто В. — стоит начать совсем не так, и это понятно. Однако хочется сразу показать, что ни к чему хорошему все ухищрения и скитания, все рассказы и хитрости, все подлости и уловки В. не приведут. Скажем откровенно: финал его ждет неприятный. Мы не хотим быть слишком назидательными, но в чем, как не в назидательности, одна из важнейших задач хороших историй в эпоху путаных кроссвордов и головоломок без решения? В особенности историй страшных — мы хотим рассказать как раз одну из таких.

Мы ничего не выдумываем, все описанное нами так и было, или будет, или происходит прямо сейчас. Время в наших чертогах-лабиринтах без окон, без дверей непостоянно и хитроумно — непостоя-

нен и хитроумен и сам В., мчащийся по островам Черного моря к далекой Итаке: слишком много в этом плавании волшебных туманов, чародейских бурь и обыденных подлостей. Но вот беда: порода Одиссеев давно вымерла, а боги человеку более не покровительствуют.

Можно было бы начать рассказ о В. академически, с детства, чтобы сразу нащупать все его комплексы — их было много — и порадовать психоаналитиков, которые, быть может, доберутся до этой книжицы, хотя шанс ничтожно мал; можно было бы сделать наоборот: раскрутить цепь событий от последнего, самого странного, к первому, вполне заурядному. Но нам приходится выбрать другой путь: оттолкнуться от случайного эпизода из уже взрослой, осознанной жизни В., с его двадцати семи годов, когда он собою все еще недоволен — запомним это словечко, вся соль в нем! К тому же снабдим наш рассказ особого рода мнимыми воспоминаниями, ведь прежде всего мы надеемся, что книжица эта попадет в руки к самому В. и, возможно, как-то изменит его финал. Никто не лишен выбора!

Впрочем, если книжица наша попадет хоть в чьи-то руки, может, даже в ваши, — уже недурственно.

И вот мы наконец-то готовы заговорить другим языком и передать слово самому В., история которого, как нам кажется, наведет на мысли о разном — не важно, о чем конкретно; тут-то вся соль вновь в одном словечке — «наведет».

Ведь наведет — и слава богу!

1

Сейчас

Ваня терпеть не может эту квартиру, но мирится с ней. Обставлена она по-советски, все равно что по-древнешумерски: непонятно зачем нужная коллекция чешского хрусталя с бокалами, салатниками и вазочками для красной икры; коричневые комоды с витыми ручками, явно пережившие своих мебельщиков; в гостиной и спальне ковры — хорошо, не на стенах; забытые антресоли лучше не разбирать — вдруг там притаились куклы-убийцы Чаки, заставшие злодеяния Чикатило; до старенького трюмо с большим зеркалом страшно дотронуться — накличешь семь лет несчастья к уже отмеренному сроку. Куда уж больше!

Ваня отворачивается от собственного полуобнаженного отражения, чтобы обхватить руками девушку в зеленом, только-только надетом белье и целует ее в щеку. Как жаль: пора прощаться. Она одевается, он — смотрит, желая в замедленной съемке увидеть каждое ее движение, каждый предмет одежды: рубашка, юбка, носки, кеды. Ее зовут Оля, он прекрасно помнит, но в такие моменты хочет забывать об именах. Она — девушка в зеленом

белье, выпускница элитного вуза, мастер по костюмам в его грядущей постановке.

Время своенравно: застывает, когда не нужно; сейчас же несется галопом, и вот Ваня уже провожает Олю — все, имя вернулось на свое место, — целует, захлопывает дверь. Возвращается к кровати, какое-то время сидит неподвижно, смотря на колыхающиеся шторы — весна, окна нараспашку, — и вспоминает, что надо бы погладить костюм: он постоянно носит их, пестрые, в стиле Сола Гудмана. Но сейчас — просто рубашка с короткими рукавами. Только он успевает накинуть ее, как слышит звонок, подбегает к двери, открывает, сразу выдает чеширскую улыбку.

— Думала, сегодня вернусь раньше тебя. — Белоснежная кожаная сумка поставлена на тумбочку в коридоре, блестящие черные туфли сняты, дверь захлопнута. — И какой-то ты взъерошенный... Все хорошо?

Теперь уже Ваню целуют в щеку — Black Orchid, Rouge Hermès; парфюм — ошейник, отпечаток поцелуя — клеймо. И пока она — нет, скорее Она — ставит чайник и снимает серебристый пиджак, становясь еще больше и в талии, и в груди, он рассказывает артистично и быстро, как всегда делал перед задирами-мальчишками и институтскими мастодонтами, о дикой и бешеной собаке, ворвавшейся на репетицию, — и почему опять никто не

закрывает двери! — и о своем героическом, как у Ивана-царевича с Серым Волком, поединке: как нашел среди реквизита палку, как загнал псину в уборную и запер там. Вот и пришлось закончить репетицию раньше. Вот и такой взъерошенный. Вот и так бьется сердце.

— Надеюсь, ты, Иван-царевич, ее не оседлал. — Она смеется низким голосом — это все сигареты, сама сказала при первой встрече, будто это могло его напугать.

— А? — Ваня отвечает не сразу, думает уже не о вымышленной собаке, а о выкинутом — или нет, вот в чем проблема — презервативе.

Ничего не исправить: Она уже идет в спальню, хочет переодеться. Не любит, если он за Ней подглядывает, — а он только рад не смотреть. Ваня зажмуривается: сейчас все рухнет, вот-вот, сию минуту; он забыл о малюсенькой детали, хотя как режиссер знает их неоспоримую важность. Все, все, все — конец планам; последняя жизнь в видеоигре, а дальше — суровое пиксельное game over, которым он тешил себя, пуская слюни на чужие приставки.

И все же ошибки Ваня не допустил.

Она снова на кухне. Пальцы Ее с маникюром зеленым-зеленым — как крашенный забор! — нащупывают кнопку кофемашины; шелк — лопается капсула, и та жужжит, пыхтит, старается. Ваню раздражает: звуки слишком напоминают о детстве

в военном городке; там правила дисциплина, там носившим форму не позволялось ни плакать навзрыд, ни смеяться в голос, — а-а-атставить! — там жила мать, заводной солдатик в юбке, сделанный на главной городской фабрике. Городок только тем и славился — хотя еще ведь быстрыми, как пожар, сплетнями, и трудовиками, отсекавшими пальцы серпом и попадавшими на первые полосы желтобумажных газет, и ржавыми турниками, на которых мальчишки подтягивались, мерились силой, дурачились и сдирали руки в кровь, а потом мазали зеленкой и йодом — кому что нравилось, — чтобы медсестры, встречавшие их, недовольно цокали языками и загоняли в медпункт; мальчишкам представлялось, что скоро они потрогают груди под белым халатом.

В том ржавеньком городке Ваня и научился врать и сочинять — хоть о сокровищах, хоть о красных глазах в ночных переулках, хоть о волках и бешеных собаках — так залихватски, что все слушали, открыв рот, пока вновь не начинали колотить. А пока они, устав задирать его, вновь подтягивались — эээ-раз, два, эээ-раз, два! — и отжимались, Ваня сидел в маленькой библиотеке — ею-то городок совсем не славился. Пока все другие, украдкой бравшие там только DVD-диски, шептались о старом еврее-библиотекаре, стучащем черными копытами, звали его Вечным жидом, которому по четным дням надо смотреть в глаза, а по нечетным — прятать взгляд, Ваня

проводил там слишком много, говорила мать, свободного времени для мужчины, но Вечный жид только трепал Ваню по голове и заявлял ей с анекдотическим акцентом: «Ой ли! Таки поверьте мне, ваш мальчик далеко пойдет — книги еще никому не повредили, разве что кроме старины Мойши, знавшего старину Борхеса, но то уж-таки история из другого анекдота». Но за сборниками сказок — читая их, Ваня и догадался, что правит книжным царством не Вечный жид, а настоящий колдун, мечтающий получить власть над чертом прямо на епископском кладбище, — и приключенческими романами о неудачниках, выбившихся в дамки, не спастись было от бесконечного скрежета и стрекотания: тиканья траурных часов, цоканья цельнометаллических чайников, шуршания заштопанных штанов и клацанья нечищенных каблучков.

— Что ты морщишься? — спрашивает Она, разбавляя кофе жирными сливками прямиком из холодильника. Проливает на пальцы, вздыхает, протирает салфеткой. — Расстроен, что репетиция сорвалась? Уж, допустим, поверю, что из-за собаки...

— Да нет, вспомнил дурное, — отмахивается Ваня. — А так даже хорошо, все побольше отдохнут. А мы с тобой побольше побудем вместе.

Захоти он вновь вспомнить ржавый городок, вспомнил бы и три любимые книжки все из той же библиотеки: сперва — «Том Сойер»,